

ЮБИЛЕИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 233–242. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 233–242. ISSN 1998-0817

Сообщение

УДК 51(091)

EDN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ КОРНИЛОВ (к столетию со дня рождения)

Секованов Валерий Сергеевич, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Аннотация. В статье описана творческая жизнь выдающегося писателя Владимира Григорьевича Корнилова. Основу очерка составляют воспоминания автора о Корнилове, его впечатления об этой личности, отмечается вклад В.Г. Корнилова в становление и развитие Костромской писательской организации, а также его внимание и кропотливую работу с начинающими писателями. Особо подчеркиваются смелость, реализм и писательское мастерство Корнилова. В статье упоминается о наградах Владимира Григорьевича Корнилова, его достижениях в области литературы и общественной деятельности, приводятся теплые воспоминания людей, знавших В.Г. Корнилова.

Ключевые слова: Юбилей, литература, писатель, фронтовик, Костромская писательская организация.

Для цитирования: Секованов В.С. Владимир Григорьевич Корнилов (к столетию со дня рождения) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 233–242. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

Research Article

VLADIMIR GRIGOR'YEVICH KORNILOV (on the centenary of the birth)

Valeriy S. Sekovanov, Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Abstract. The creative life of the outstanding writer Vladimir Grigor'yevich Kornilov is described in the article. The author's reminiscences of Vladimir Kornilov, the former's impressions of this person form the basis of the feature article; Vladimir Kornilov's contribution to the formation and development of Kostroma writers' organisation is noted as well as his attention and painstaking work with novice writers. Courage, realism and writing skills of Vladimir Kornilov are emphasised in particular. It is mentioned in the article about Vladimir Kornilov's awards, about his achievements in the field of literature and social activities; warm memories of people who knew Vladimir Kornilov, are cited.

Keywords: jubilee, literature, writer, WW2 veteran, Kostroma writers' organisation.

For citation: *Sekovanov V.S. Vladimir Grigor'yevich Kornilov (on the centenary of the birth). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 233–242 (In Russ.).* <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-233-242>

Я расскажу о Владимире Григорьевиче Корнилове – прекрасном человеке, выдающемся писателе. Постараюсь раскрыть разносторонние качества его личности, обладающей огромной душевной силой. В очерке описаны и совместные общения с природой, рыбалки, и дискуссии на разные темы, где Корнилов раскрывался как мудрый, смелый человек, как романтик, как реалист.

Очерк состоит из двух частей. Содержание первой части основано главным образом на личных воспоминаниях, впечатлениях, знаниях. Не ради хвастовства в очерке кратко рассмотрено содержание некоторых моих рассказов и отмечено несколько моих жизненных эпизодов. Такой стиль повествования наиболее выпукло отражает вклад Корнилова в совершенствование рассказов автора очерка и раскрывает его личные качества при общении со мной. Некоторые суждения, пропущенные через «призму сознания», субъективны. Однако я старался быть правдивым, использовал открытые источники, литературу.

Вторая часть повествования состоит из воспоминаний и отзывов о Корнилове людей разных профессий, знавших его.

Часть I

Отмечу сразу, что при общении с Владимиром Григорьевичем я многому научился. Часто вспоминаю этого замечательного человека, храню о нем светлую память.

Познакомился я с В.Г. Корниловым в конце прошлого века при обсуждении моего рассказа «Не стреляйте медведей». Это был мой второй рассказ. Первый рассказ «Колодец» в 1993 году публиковался в газете «Литературная Кострома».

Несколько слов о написании рассказа «Колодец», который мне дорог и сегодня. Некто Орлов провел свое детство в лесной деревеньке, потом уехал в город. Закончив институт, стал городским жителем. На малой родине привелось ему побывать во время охоты по перу и сбора рыжиков, которые росли в мелком ельнике, заполонившем бывшее деревенское поле. Пересекая это поле, Орлов по воле случая провалился в заброшенный колодец и выбирался из него сутки. Чуть не погиб. Карабкался вверх по прогнившему срубнику, срывался, отдыхал и вновь устремлялся к свету, тускло освещающему нутро колодца. Помогли Орлову свисающие вниз корни деревенской липы, цепляясь за которые он выбрался из колодца. Во время пребывания в западне Орлов много передумал и пережил тяжелые минуты, особенно тогда, когда сознание мучила мысль о том, что бросил деревню, сбежал в город.

Полагаю, что Корнилов, прочитав рассказ «Колодец», заинтересовался моим творением, поскольку обсуждение второго рассказа «Не стреляйте мед-

ведей» затянулось не на один час. Помню, как меня терзали при обсуждении рассказа маститые писатели. Как мог, отбивался от лавины критических, порой каверзных вопросов. Где-то соглашался с замечаниями, но в основном отстаивал свои мысли. Много глубоких, порой неожиданных и каверзных вопросов задавал именно Владимир Григорьевич. Думаю, что, будучи человеком пронизательным, он хотел узнать мои мысли, цели и задачи работы не только при написании рассказа, но и по более широкому кругу вопросов.

После бурных дебатов рассказ от публикации отклонили, направив на доработку. Помню, придя домой, решил, что сдаваться не буду, прилег на диван и, долго ворочаясь с боку на бок, заснул. На следующий день приступил к правкам содержания рассказа. Работал долго, каждый день, и вот наступил тот момент, когда я поставил точку. Поразмыслив, решил показать рукопись Корнилову.

Позвонив Владимиру Григорьевичу, попросил прочитать обновленную рукопись. Корнилов с готовностью согласился. Незамедлительно передав ему рукопись, с замиранием сердца стал ждать.

История обсуждения и доработки моего рассказа кратко описаны В.Г. Корниловым в газете «Северная правда» от 7 июня 1995 г.: «С Валерием Сековановым впервые познакомился я на семинаре начинающих авторов и, пожалуй, был самым непримиримым критиком представленного им рассказа.

Мне казалось, математический ум автора, программиста по компьютерам, доцента педуниверситета, далек от образного мышления – первого необходимого условия для пробы сил в литературе художественной. О том я и сказал огорченному автору, сочувствуя и не видя перспектив в литературной его работе.

Я ошибся, недоучел энергии авторского желания рассказать во что бы то ни стало о том, что случилось однажды в его охотничьей душе в родных ему поназыревских лесах. Через полгода нежданно принес он мне заново переработанный рассказ, где и проглянула обнадеживающе столь желанная образность.

С упорством автор переделывал, доделывал текст, вникал в звучание слов, компоновку фраз, выбрасывал, будто вырывая из сердца, необязательные подробности, и вот, наконец, то душевное состояние прозрения, которого так добивался автор, получило художественное воплощение.

Рассказ состоялся...»

После предисловия В.Г. Корнилова в «Северной правде» рассказ был опубликован. Я сиял от радости, был горд, что довел рассказ до принятия Владимиром Григорьевичем его как художественного произведения.

После обсуждения и переработки рассказа мы с В.Г. Корниловым сблизились. Сближению со-

действовал и тот факт, что Корнилов любил рыбалку и охоту. А, как известно, «рыбак рыбака видит издалека». Однажды после беседы о литературе мы непроизвольно переключились на рыбацкую тему и слово за слово сговорились поехать на Костромской разлив половить со льда рыбку на мормышки.

Как сейчас помню, зима была на исходе. Вместе с нами оказался товарищ Владимира Григорьевича – Иван Григорьевич (фамилию, к сожалению, я не запомнил). Будучи оба фронтовиками, они поддерживали дружеские отношения.

Мы собрались у В.Г. Корнилова рано утром. Провожать вышла Жанна Павловна – жена Владимира Григорьевича, приветливая женщина. Он с особой теплотой и нежностью к ней относился. Жанна Павловна отвечала взаимностью, заботилась о муже всегда.

В газете «Культура» от 23 августа 2002 года, посвященной памяти В.Г. Корнилова, Жанна Павловна проникновенно писала: «Я помогала тебе во всем, подбирала материалы, печатала, и мне не было трудно. Я все делала с радостью, с увлечением, интересовалась всем, что ты, мой хороший, делаешь, и старалась, мой милый, помочь тебе во всем!...» Она всегда провожала Владимира Григорьевича на рыбалку, помогала ему собраться и не забыть что-то из рыбацких принадлежностей.

Владимир Григорьевич, Иван Григорьевич и я стали регулярно рыбачить на Костромском море, начиная с ледостава и до последнего льда.

С нетерпением ждал Корнилов выезд на рыбалку. «Душа просит воли», – не раз говорил перед выездом на Костромское море. Работал писатель не покладая рук, о чем свидетельствовали его немногословные фразы, связанные с написанием рассказа, очерка или романа. Чистый воздух, свежий ветер и рыбалка действовали на него благотворно.

Основные шедевры написаны В.Г. Корниловым в Костромском крае. Особенно дороги ему Сандогора и ее окрестности. Летом и осенью до ледостава я приезжал к чете Корниловых на дачу, расположенную на хуторе Заозерье, что под Сандогорой, где бродил по окрестным лесам, дискуссировал с Корниловым на разные темы, связанные с литературой, политикой, образованием, рыбалкой и охотой.

Помню, когда я приехал к Корниловым в Заозерье, хозяева пригласили в просторный дом, усадили за стол, стали угощать. Предварительно до моего приезда Корнилов поймал карасей. Как отмечалось, он любил рыбачить. Вкус жареных карасей в сметане, приготовленных Жанной Павловной, был отменным. Не скрою, с разрешения хозяев я немного выпивал водочки и закусывал вкусной квашеной капустой с картошкой и жареными карасями. Хорошо!

Обследуя окрестные места Заозерья, я обходил десятки километров. Собирал чернику и грибы. Од-

нажды, переночевав у Корниловых, с утра пошел в лес. Нашел десятка три белых грибов и доставил их на дачу, думая, что будет приятный подарок гостеприимным хозяевам. Увидев грибы, Корнилов похвалил меня за профессионализм в грибном деле, отметив, что в незнакомых лесах непросто найти грибы. Когда предложил наполненную грибами корзинку в подарок, он улыбнулся. Аккуратно вытащил два самых красивых белых грибка, положил на стол, сказал, что принимает с благодарностью эти грибы, а остальное грибное богатство велел отвезти домой. Я начал говорить, что на малой родине, в таежном Поназыревском районе, набрал много грибов, которые сушил, солил и мариновал, а потому нет необходимости грибы, собранные в окрестностях хутора, везти в Кострому. Однако Корнилов был неумолим. Спорить было бесполезно. Я взял корзину, отнес ее в багажник машины.

Когда вернулся, у нас с Корниловым завязалась живая беседа о литературе. Владимир Григорьевич, сидя напротив, говорил, что основой в писательском деле служит мышление художественными образами. Он также отмечал, что в художественном произведении все должно быть четко поставлено, рассчитано, и привел известную реплику А.П. Чехова о том, что если в рассказе сказано, что ружье повешено на стене, то оно должно выстрелить. Говорил Корнилов не потому, что хотел выпятить свое писательское мастерство. Он плавно перешел к моему очередному рассказу, отметив, что там есть целые абзацы, которые не связаны с основным сюжетом. Сделав паузу, Корнилов добавил, что надо постоянно править рукопись и вычеркивать лишнее. «Вычеркивайте больше!», – запомнилась мне фраза Корнилова.

– Жалко порой бывает вычеркивать, – возразил я.

– Привыкайте. Надо шлифовать содержание рассказа.

Я не наблюдал за Корниловым суждений, связанных с религией. Однако к религиозным праздникам он относился уважительно. Как мне кажется, религию считал важной составляющей культуры нации. Приведу пример. Однажды мы рыбачили весной по последнему льду. Я заметил, что Корнилов любит янтарной красотой расцветающей вербы на берегу Костромского разлива. Минут через пять он окликнул меня. Когда я подошел, Корнилов улыбнулся, попросил принести веточку вербы.

Поставив ящик, я устремился к берегу. Подойдя к вербе, сорвал несколько веточек, вернулся на лед. Поставил рядом с Корниловым свой рыболовный ящик, аккуратно положил веточки на его крышку. Владимир Григорьевич слегка подтянулся к ящику, бережно взял веточки в правую руку, поднес к лицу и, закрыв глаза, вдруг, продекламировал:

Уж верба вся пушистая
 Раскинулась кругом;
 Опять весна душистая
 Повеяла крылом.

- Вы же не пишете стихи?
- Написал это поэт Афанасий Фет...

Помолчав с минуту, Корнилов добавил: «Сегодня Вербное воскресенье. Букетик подарю Жанне Павловне».

Неожиданно у Корнилова случилась поклевка на стоячую удочку. Он подсек, вытащил красавца окуня. Я не стал мешать, отошел в сторону и, пробуриив очередную лунку, продолжил лов.

Как уже отмечалось, зимой и весной мы (я, Владимир Григорьевич и Иван Григорьевич) рыбачили часто. Каждый выходной ездили на Костромское море. Добирались до места ловли на перекладных. Корнилов садился за руль своего «запорожца», на котором мы ехали до села Сущево. В те годы о зимней резине не было и речи. Меня удивляет, как Корнилов справлялся с управлением машиной по заснеженным дорогам. Но это еще не все!

В Сущево Владимиру Григорьевичу предоставлял место в гараже для техники Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «50-лет СССР» Леонид Михайлович Малков. Отношения между В.Г. Корниловым и Л.М. Малковым были теплыми и уважительными.

Добравшись до Сущева, Корнилов заходил в гараж, куда сторож его всегда вежливо пропускал, выгонял на улицу снегоход «Буран». Затем мы с Иваном Григорьевичем вытаскивали сани, крепили их к снегоходу, а Корнилов ставил на место «Бурана» «запорожец». Потом Владимир Григорьевич садился за руль «Бурана», Иван Григорьевич – на место пассажира, а я размещался в санях, и мы трогались к Костромскому разливу. Выехав за околицу Сущева, Корнилов обычно прибавлял газку, и ветер свистел в ушах. Вспоминаю, как весной враспышную разлетались с дороги прилетевшие с юга грачи, а мы мчались к Костромскому морю в надежде поймать крупную рыбу. Добравшись до места, ставили снегоход на прикол, начинали рыбачить. Особенно любили ловить окуней и устраивали неявное соревнование на вылов рыбы, радовались хорошему клеву и сетовали на его отсутствие.

Ловили недалеко друг от друга. Опустив в лунки мормышки с мотылем, ждали поклевки. Однажды нарвались на клев окуня. Но клев был избирательным и капризным. Перового «матросика» вытащил Корнилов, и вскоре на льду рядом с первым запрыгал и второй полосатый красавец.

У нас с Иваном Григорьевичем поклевки не было. С завистью наблюдали, как у лунки Владимира Григорьевича росла горка окуней. «Обрубать» лунку Кор-

нилова не стали, опасаясь разогнать стайку клевавших у него полосатых матросиков.

Отойдя в сторону, я перебурил с десяток лунок. И вот наконец, почувствовав короткий удар, подсек – вскоре на льду оказался трехсотграммовый окунь. Не теряя времени, вновь опустил мормышку, и опять последовала поклевка. Я так увлекся, что перестал обращать внимание на уловы напарников. Через четверть часа клев оборвался, как обрезало! Осмотревшись, увидел у Ивана Григорьевича приличный улов. Присмотревшись внимательней, обнаружил, что наибольшая горка окуней – у Владимира Григорьевича. Бесклевые пришли также неожиданно, как и начало клева. Посидев еще с полчаса, стали собираться домой.

Огромные площади Костромского моря исколесили мы на снегоходе. Бывали и на Красной Гриве, и у Сухой Елки. Диву даешься, как мог человек без ног управлять не только легковой машиной, но и снегоходом! Но так было – и ни одной аварии не случилось, если не считать мелочи, когда я однажды вылетел из саней. Не припомню случая, чтобы «Буран» когда-то заглох. Всегда привозил снегоход нас к заветному гаражу.

Писательские дела на рыбалке, как правило, не обсуждали, захватывал лов. Одним словом – не до того было. Обычно я приезжал к Корнилову для обсуждения литературных вопросов домой, пытался показать, что и математик может быть писателем. Приводил примеры математиков, которые хорошо писали художественные произведения.

Корнилов молча слушал. Увлекаясь, я говорил, что в доказательстве теоремы сначала появляется идея, затем выстраивается логическая цепочка рассуждений, которая и приводит к цели. Нечто подобное испытывает и прозаик при написании, например, рассказа. Сначала зреет замысел, затем строится сюжет и начинается создание произведения. Причем события должны быть логически взаимосвязаны и логически непротиворечивы, как и в математике. Здесь все должно быть направлено на воплощение замысла рассказа – ничего лишнего, уводящего в сторону от сюжета.

Выслушав, Корнилов говорил, что важнейшим качеством писателя является образное мышление, не отрицая, что определенная связь с математическим мышлением проявляется. Однако он отмечал, что мышление художественными образами сильно отличается от мышления пространственного или количественного и добавлял, что не каждый ученый захочет писать, скажем, рассказы, даже если ему предложить это сделать. Он говорил, что писательство должно быть единственным занятием человека, а расплываться на две профессии, во-первых, это трудно, во-вторых, альтернативная профессия тормозит написание рассказа, повести, или романа, то есть одно мешает другому.

Мы дискуссировали часами. Однако я, плотно занимаясь наукой, писательское дело не бросал и принес для прочтения Корнилову рассказ «Кухта». Он молча взял рукопись, положил на краешек стола, коротко сказал: «Прочту».

Поговорив о литературных делах и очередной рыбалке, я поехал домой, думал, как воспримет мой рассказ маститый писатель. Один за другим полетели дни, наполненные переживаниями о судьбе рассказа. Однако Корнилов молчал, и я стал подумывать, что рассказ забракован мэтром, но спросить не решился...

Мы продолжали рыбачить. Добирались до места рыбалки по отработанной схеме. Только теперь вместо «запорожца» у Корнилова появилась «Ока», которую он получил от государства как инвалид войны. Новенькая машина бойко катила нас к Сущеvu и занимала в гараже место снегохода.

После очередной рыбалки Корнилов вдруг глянул мне в глаза, сказал:

– Прочитал Ваш рассказ.

Наступила пауза. Я тихо спросил:

– Все плохо?

– Нет, почему же? Зайдемте ко мне домой. Я передам правленную рукопись, а потом после Вашей до-работки обсудим.

Мы поднялись в квартиру Корнилова. Владимир Григорьевич попросил Жанну Павловну принести полиэтиленовую папку и протянул ее мне, и мы попрощались.

Дома, не раздеваясь, вытащил из рыбацкого ящичка папку. Раскрыв ее, замер – вся рукопись была испещрена карандашными правками Корнилова.

Быстро перекусив, засел за рукопись и не вылезал из-за стола часа четыре. Всю неделю в свободное от работы время я работал, перекраивая слова и фразы, следуя указаниям Корнилова. В некоторых случаях не соглашался с его замечаниями и продумывал аргументацию своих суждений при встрече с писателем. Встреча состоялась.

Остановлюсь на сюжете рассказа. Отец с сыном поехали зимой охотиться на куницу. Время было трудное, перестроечное, и необходимо было зарабатывать деньги, чтобы хоть как-то прокормить семью. Отец оставил сына домовничать в охотничьей избушке, сам ушел с собакой в лес и, преследуя куницу, заблудился. Ситуация складывалась драматично для охотника. Выручила собака. Она прибежала к избушке и жалобно завывала. Будучи смышленным малым, сын понял, что отец в беде, побежал за собакой, которая привела его к замерзающему отцу. С помощью невероятных усилий вытащил он отца из заснеженного леса.

Кухта – это снег на деревьях, давящий на ветви, подгибающий мелколесье и порой ломающий даже толстые ветви. Корнилов посоветовал мне в худо-

жественной форме образно отразить трудные перестроечные времена, используя кухню как давление на охотника и общество, в котором он жил. Вот строки, которые я написал, следуя советам Корнилова: «Густо осыпала деревья кухня. В лесу тихо. Лишь заворчит в глухом сосняке ворон да по суши-не затарабанит дятел. К земле пригнула кухня елочную молодь. Тряхнешь за вершинку, как пружины разогнутся мохнатые ветки, закачаются. Придавила кухня и вековые ели, поджала огромные мохнатые лапы. Треснет ветвь, с шумом понесется вниз лавина снега и льда, закружится облако белой пыли. Вскочит испуганный беляк с лежки, пулей понесется прочь, тревожно защебечут птахи. Не только ветви ломает кухня. “Трах-тара-рах”, – услышишь порою в лесу, присядешь от неожиданности. “Ух ты! Не черт ли возится?” Ближе подойдешь, увидишь упавшее старое дерево – не выдержало снежного гнета. Стонет обледенелый лес!»

Как не вспомнить те тяжелые дни, когда полки магазинов были пусты и задерживали зарплаты! Однако и в трудные времена не нужно опускать руки. Окончание рассказа указывает, что беда осталась позади, и отец с сыном полны решимости преодолевать грядущие испытания.

Делая критические замечания по содержанию рассказа, Корнилов отметил и положительный эпизод, где был описан сон замерзающего в снегах охотника. Ему снилось, как подлетела запряженная в сани быстрая тройка. В санях красивая дама сидит в куньем меху, приглашает охотника согреться и прокатиться. Когда сел охотник в сани, тройка птицей полетела по лесу. Потом вдруг остановилась. Приглашает дама погулять охотника по лесу. Охотник доверчиво вылезает из саней. Пройдя с ним по лесной чаще, дама неожиданно превращается в куницу, стрелой взлетает на ель и прячется в густых ветках. Как опять не вспомнить те дни, когда нас обманывали, обещая хорошую жизнь, а наяву появились продуктовые карточки и задержка зарплаты. По мнению Корнилова, этот эпизод выпукло показывает драматизм происходящего и усиливает художественность рассказа.

После длительного обсуждения Владимир Григорьевич рекомендовал рассказ к публикации. При общении с Корниловым я начинал понимать его тезис «творить человека».

Рассказ «Кухта» был высоко оценен Олегом Кирилловичем Гусевым – главным редактором замечательного журнала «Охота и охотничье хозяйство» – и опубликован на его литературных страницах. Приятно отметить, что в журнале «Охота и охотничье хозяйство» печатались рассказы Виктора Астафьева, Ефима Пермитина, Андрея Скалона, Михаила Пришвина, Гавриила Троепольского, Юрия Нагибина и других писателей.

Позднее несколько своих рассказов я объединил в книгу под названием «Кухта» и подарил Корнилову.

Однажды Иван Григорьевич отошел на почти-тельное расстояние в надежде найти рыбное место. Я остался рядом с Корниловым. Неожиданно сзади послышался глухой звук. Оглянувшись, замер – Корнилов лежал на льду. Вскочив с ящика, побежал. Тревожные мысли роились в голове. Подбежав к Корнилову, окликнул его. Он лежал неподвижно. Помню, как застучало в висках. Я громче окликнул Корнилова. Через минуту он пошевелился, приподнял голову. Я протянул руку, помог подняться, усадил на рыболовный ящик. «Поскользнулся», – коротко произнес Корнилов. Я молча кивнул, и рыбалка продолжилась.

На Костромской разливы мы ездили, пока позволял лед. Однажды, помню, уже прилетели утки и гуси, смело рассаживались в полыньях, маячивших вдали от берега. Пронзительно горлана в поднебесье, сновали кулички, славили весну. Чайки, делая замысловатые пируэты, весело кричали. Где-то в стороне барашком блял бекас. Мы сидели недалеко от берега, где еще был лед, радовались приходу весны. Как сейчас помню: субботний денек выдался ясным, было тепло и уютно. Лед уже пожелтел, стал рыхлым, но мы не унывали, таскали из лунок окуней, ершей и сорожек.

– Ездить сюда становится опасным занятием, – огорченно сказал Владимир Григорьевич.

Чтобы взбодрить Корнилова, я предложил:

– Найдем другое место, где еще можно ловить.

Владимир Григорьевич улыбнулся, сказал:

– Такое место мне известно – это речка Покушка. Там лед еще позволяет ловить рыбку.

– А где она находится?

– Поедем по Красносельскому тракту. Я покажу, как ехать.

На следующий день у меня не было неотложных дел. Помню, я громко сказал:

– Не будем терять времени и завтра поедем.

В те годы племянник Дима учился в Костромском техникуме и жил у меня. В воскресенье мы прибыли с Димой к Корнилову и втроем поехали на Покушку. Когда прибыли на речку, помогли спуститься Владимиру Григорьевичу на лед, посадили на санки, устремились к маячившим вдали рыбакам. Помню, в тот раз мы хорошо половили ершей, окуней, сорожек и припозднились. На речке рыбаков уже не было. Глянув на берег, обмерли. Закраек его затопила вода. Мы поняли, что допустили оплошность, стали осторожно выбираться на сушу. Сначала приблизились к берегу, внимательно оглядевшись, заметили несколько досок, по которым выходили рыбаки. Идти по найденным доскам было опасно, но мы не унывали. Нашли еще несколько досок, связали их воедино и выбрались на сушу. Следует отметить, что Кор-

нилов умело руководил переправой. В его действиях угадывалась фронтовая жилка. Корнилов был спокоен, тверд и решителен.

Так продолжались дни, которые были для меня знаменательны общением с большим писателем, я у него учился и чувствовал, что потихоньку продвигаюсь вперед в литературном деле. Еще до знакомства с Корниловым я несколько лет писал книгу о своем деде Александре Павловиче Секованове, основавшем земскую школу в Ветлужском уезде Костромской губернии.

Меня поражала работоспособность Корнилова, увлеченность им писательским делом, и я стал брать с него пример. После общения с писателем стал интенсивней работать, каждый день садился за письменный стол. Закончив повествование о деде, привез рукопись Корнилову. Он положил ее на стол, сказал, что прочитает. И прочитал! Его отзыв был положительным.

Когда минуло десятилетие моих занятий литературой, на одном из писательских семинаров предложили вступить в Союз писателей России. Данное предложение воспринял с радостью. Однако нужны были три рекомендации от писателей для вступления в указанный Союз. Естественно, я обратился к Владимиру Григорьевичу, стал ждать ответа. Я знал, что он требовательный писатель и строгий критик. Стали тянуться дни. Однако где-то через неделю Корнилов пригласил меня домой и вручил рекомендацию следующего содержания: «По основной своей специализации Валерий Сергеевич Секованов программист-компьютерщик, преподаватель, доцент педуниверситета. В этом главная половина его жизни. Вторая половина его жизни связана с лесами, реками, охотничьими угодьями, где он родился, где сформировалась близость и любовь его к природе.

Именно эта вторая половина природы вовлекла его в литературу. В охотничьих рассказах, написанных им, не только пережитое в лесных походах с ружьем за плечами. Почти каждый его рассказ – боль за гибнущую от неразумного вторжения человека природу, гнев против хищников-хапуг, добывающих себе сытое благополучие за счет убийства всего живого, что может быть оплачено деньгами.

Рассказы, собранные в сборнике «Кухта», позволяющие видеть в В.С. Секованове уже сформировавшегося писателя со своим видением жизни, со своим образным миром.

Представляемая им вторая книга – документальная повесть о своем деде – сельском учителе, положившем начало династии педагогов, – вроде бы не претендует на художественное повествование, но есть в ней немало страниц, сцен, где присутствует писательское виденье человека и отношение его к окружающим миром.

Рекомендую и считаю возможным принять Валерия Сергеевича Секованова в члены Союза писателей России» (подпись под документом: 25.VII.2000 г. Корнилов В.Г. Член СП России, стаж 43 года).

Прочтя рекомендацию, я почувствовал, как радость заполняет грудь. Рекомендацию Корнилова бережно храню.

Будучи проницательным человеком, Корнилов не ошибся. Пожалуй, я не стал бы создавать рассказы, ежели бы не очутился с детства в объятиях прекрасной русской природы. Сначала сбор грибов, рыбалка на лесных речках, а позднее охота наполнили душу переживаниями и впечатлениями. Как прекрасен зимний лес, когда огромные ели покрыты шапками снега и от тишины звенит в ушах! Как приятно послушать в не сбросившем еще листву, в багрянец окрашенном осеннем лесу музыку гона или собирать в темных ельниках, смешанных с березняком, царские грибы грузди! Или пробираться весной в пред рассветную пору к глухарину току! Да разве все перечислишь.

Настал день, когда общение с природой переполнило душу, и я взялся за перо.

Общение с Корниловым продолжалось. К моему пятидесятилетнему юбилею Владимир Григорьевич подарил книгу. Он медленно встал из-за стола, подошел к полке с книгами, поразмыслив несколько минут, достал толстую книгу «Русские писатели о языке», вновь сел за стол, коротко написал: «Секованову Валерию Сергеевичу. Для пользы дела», добавив «декабрь 2001, Корнилов». Посидев молча с минуту, Корнилов протянул мне книгу, которую я с благодарностью принял.

Около десяти лет рыбачили мы с Корниловым. Был случай, когда я застудился на рыбалке и приболел. Когда поправился, Владимир Григорьевич и Иван Григорьевич подарили мне ватные штаны, которые согревали несколько лет на зимних рыбалках.

Я всегда проявлял интерес к науке и следил за ее развитием, непроизвольно увлекся новой дисциплиной – фрактальная геометрия, занялся ее изучением и решением научных проблем. Тема оказалась интересной, разрабатывая которую окунулся с головой в научные исследования и компьютерные эксперименты, поставил цель написать диссертацию. Однако предстояла кропотливая работа. Заведование кафедрой, работа над диссертацией занимали кучу времени, и выезжать на рыбалку стал реже. Корнилов, видимо, обижался, но вида не показывал. Я чувствовал его обиду, но сделать ничего не мог. Оппоненты и рецензенты, от которых приходилось отбиваться, одолели меня. Но все-таки я урывками рыбачил с Корниловым.

Отец подарил мне русский джип «Нива». Машина хорошо шла и по снегу, и по грязи. Однако был недо-

статок. Она имела всего две двери, и погрузить весь рыбацкий скарб было проблематично. Однако Владимир Григорьевич нашел выход.

Когда прибыл к Корнилову, он сел в машину, велел ехать к гаражу. Я подчинился. Иван Григорьевич пошел следом за машиной. Когда подъехали к гаражу, Корнилов медленно открыл его, сказал:

– Забирайте багажник.

– Зачем?

– Разгрузим салон машины.

– Багажник дорогой.

– Дарю.

Спорить не имело смысла, я вытащил багажник из гаража.

– Прикручивайте к крыше, – потребовал Корнилов.

Я взял ключи, и вместе с Иваном Григорьевичем мы стали крепить багажник к крыше машины. Когда прикрутили его болтами, закрепили в багажнике два рыбацких ящика и ледобур.

– Молодцы! – похвалил Корнилов.

Багажник нам действительно помог размещать рыбацкие принадлежности – в кабине стало просторней, что благотворно сказывалось на нашем настроении и комфорте. Когда рыбалка со льда закончилась, я сказал Корнилову, что пора возвращать багажник на прежнее место в гараж. Владимир Григорьевич отмахнулся. Я повторил свое предложение.

– Дарю, – вновь сказал Корнилов и перевел разговор на другую тему.

Не могу не рассказать, уважаемый читатель, какую добрую службу сослужил мне подаренный Владимиром Григорьевичем багажник, который так и оставался на крыше «Нивы».

Дело было в зимние каникулы. Мы с племянником Димой поехали в Поназыревский район – на малую Родину. На воле стоял крепкий морозец. Шоссейная федеральная трасса была сухой, и машина быстро докатила до Поназырева. Мы свернули с шоссе и проехали поселок. Потом опять выехали на шоссе, но уже местного значения. Через несколько километров асфальтовая дорога закончилась, и мы покатали по грунтовке. На воле морозец усилился. Дорогу слегка припорошил пушистый снежок. Предчувствуя скорый конец нашего путешествия, я расслабился, представив, что при встрече с родителями на столе будут пельмени и водочка.

Впереди замаячила низина. Допустив оплошность, я непроизвольно нажал на газ. В низине неожиданно машину закрутило. Я пытался выровнять «Ниву», но сделать ничего не смог. После очередного виража машину выбросило на обочину дороги. Я успел только крикнуть: «Димка, держись!» В следующий момент машина вздыбилась на обочине дороги и полетела в глубокий кювет. При падении «Нива» перевернулась через крышу и встала на колеса. Никогда

не забуду, как в момент удара бились стекла, раздавался зловещий скрежет. Все рушилось, а я ничего не мог сделать. Когда наступила пронзительная тишина, мы с племянником кое-как выбрались из машины, преодолев шок, вылезли на дорогу. Низиной оказалась припорошенная снегом большая замерзшая лужа, на которой машину начало крутить... Замечательно, что при перевороте через крышу первый удар пришелся на багажник, который смягчил удар по крыше. В результате крыша прогнулась незначительно, и ни я, ни племянник не получили травмы головы, которая при отсутствии багажника могла быть опасной. Осознав происшедшее, я воскликнул: «Спасибо за подарок, Владимир Григорьевич!»

Прошло много лет, а я этот случай помню, включая каждую мелочь, память словно сфотографировала наполненный драматизмом эпизод.

Часть II

Остановлюсь на биографии выдающегося писателя, наградах, отзывах о его произведениях и воспоминаниях друзей, соратников, учеников и коллег.

Родился В.Г. Корнилов в 1923 г. Участвовал в боях Великой Отечественной войны. Имеет правительственные награды. Был трижды ранен. После тяжелого ранения в 1944 году лишился обеих ног. Но он нашел в себе силы продолжать служить Отечеству. Закончил литературный институт им. М. Горького, стал писателем.

Первые его книги – «Лесной хозяин», очерки «О людях хороших и разных», «Мартовские звезды». В Костроме В.Г. Корнилов пишет трилогию «Семигорье», «Годины», «Идеалист», цикл очерков, повесть «Искра» и др.

Однофамилец Корнилова, сотрудник Костромской универсальной научной библиотеки Павел Корнилов отмечает (Литературный альманах. Кострома, 2021. № 4. С. 198): «Говорю совершенно откровенно, никогда не пытаюсь дать ответ за него. Робею. Во-первых, он не терпел приблизительности. Был строг к словам и формулировкам, а его формулы не были мне близки. Во-вторых, ход его мыслей если и предугадываем, то не воспроизводим в полной мере; потому что он всегда был репликой художника, а значит, крайне индивидуальным и стилистически неподдельным. А в-третьих, фразы в первом лице, пусть произнесенные от его имени, только мешают волшебной работе памяти. В ней он сохраняется, каким был: сильным, упрямым, часто жестким, талантливым, резким и безапелляционным. Но бесконечно притягательным человеком. В приведенном наборе односложных характеристик ключевым словом оказывается “сильный”. Корнилов был СИЛЬНЫМ».

Как отмечает профессор КГУ Юрий Владимирович Лебедев (Литературный альманах. Кострома,

2021. № 4. С. 185), Владимир Григорьевич Корнилов не согласен с теми писателями и литературными теоретиками, которые, ограничив задачи литературного творчества познавательной стороной, считают достаточным, если литература дает верную информацию об увиденном и услышанном в действительной жизни. У настоящей литературы более высокое призвание: она не столько отражает, сколько преобразует жизнь в свете высокого идеала. И главное ее назначение – «творить человека». Ю.В. Лебедев отмечает, что писатель вдруг понял, что переносить действительность как она есть в литературу – занятие бессмысленное: живая жизнь оказывается всякий раз богаче любой, даже тщательно выполненной точной ее копии.

23 августа 2002 года вышла газета «Культура», содержание которой посвящено памяти В.Г. Корнилова. На первой странице отмечается: «Очередной номер «СП-Культура» посвящается недавно скончавшемуся известному в России писателю Владимиру Григорьевичу Корнилову. Фронтвик, лишившийся на войне обеих ног, он, как исполин, встал над обстоятельствами. «Наш Маресьев», – звали его многие костромичи. И они были правы. Его жизнь – это ежедневный подвиг. Он создал областную писательскую организацию, которую возглавлял около тридцати лет. За это время подготовил к вступлению в Союз писателей десятки человек. Работа с творческой молодежью была одной из главных в деятельности писателя».

Приведем несколько воспоминаний друзей, учеников, соратников и коллег В.Г. Корнилова, напечатанных в указанной выше газете.

Татьяна Бурдина: «Каждый читатель ищет своего писателя. И даже самый благодарный, самый “всеядный” из нас предпочитает немногих многим. Впервые я открыла для себя Корнилова в студенчестве: романы «Семигорье» и «Годины» потрясли распахнутостью мечущейся души молодого человека, становление и мужание которого пришлось на предвоенные годы и пору военного лихолетья. ...Книги Корнилова заставляют думать. Не только потому, что они философского направления. Они очень убедительны жизненной правдой, донесенной читателю в результате напряженных раздумий, осмысления собственной судьбы, судьбы поколения, судьбы страны».

Владимир Максимов: «Он [В.Г. Корнилов] был образцом редкого трудолюбия, мужественной стойкости, несмотря на все свои недуги.

Следует отметить, что рядом с ним шла его верная подруга, жена Жанна Павловна. Она помогала Владимиру Григорьевичу, печатая на машинке его произведения, подсказывая своими советами, чутким женским сердцем, поддерживая его в трудную минуту».

Владимир Старателев: «Владимир Григорьевич прекрасно организовал свою жизнь. Эта жизнь была

подчинена литературному труду. Результаты труда перед нами. Они свидетельствуют о виде на жизнь. Они как бы говорят: поступайте, как я, и у вас получится.

Писатель-мессия. Таким, мне кажется, был Корнилов. Он пришел в мир с целью улучшить его, оздоровить, сделать более человечным. “Утверждать человеческое в человеке”, – вот коронная фраза Корнилова. Фраза, по поводу которой можно даже поспорить, но, по крайней мере, она проста и понятна, а нравственный смысл очевиден».

Владимир Григорьевич писал медленно, выверял каждую фразу по нескольку раз, неустанно шлифовал слова будущего рассказа, повести или романа. Евгений Степаненко выпукло выразил в данной газете отношении Корнилова к писательскому делу: «Как-то в разговоре Владимир Григорьевич Корнилов заметил, что если ты сделал дело быстро, но плохо, то люди будут помнить, что ты сделал плохо, но не будут помнить, что сделал быстро. Если же ты делал дело долго, но хорошо, то люди забудут, что делал долго, но будут помнить, что сделал хорошо».

Мысль эта как нельзя емко характеризует отношение к писательскому делу самого Владимира Корнилова. Подумать только: почти восемьдесят лет прожито, а книг написано – на одной руке хватит пальцев, чтобы перечесть. Десятилетия пролегают между ними».

Василий Травкин: «Многими благородными качествами человека с большой буквы наградила природа писателя Корнилова. Что ни грань характера – все выверено, все имеет четкую завершенность... Мы лишились прошедшего огненную закалку фронтового бойца за справедливость жизни, мы потеряли своего защитника. Образовалась еще одна пустота на земле, но зато зажглась новая звезда на небе – звезда Корнилова».

Татьяна Иноземцева: «Владимир Григорьевич никогда не оправдывал свои поступки любимой ныне многими фразой: “Не мы такие, жизнь такая”. Он не опускался до унижения быть ведомым в этой жизни, он был ведущим. Влиять на жизнь, формировать ее имеют моральное право лишь люди с чистой и богатой душой. Корнилов это право имел. Может быть, поэтому нам его теперь так не хватает».

Генрих Гарнов: «Человеческий, нравственный и литературный подвиг Владимира Григорьевича Корнилова невозможно переоценить. Вспомним и повторим мысли мудрых: “Не говори, что их уж нет, а с благодарностью – были”. Будем же и мы благодарны и признательны судьбе, которая одарила нас возможностью знать, встречаться, общаться, читать книги талантливого российского самородка Владимира Корнилова».

Тамара Дедкова: «...Мы с Игорем всегда относились к Владимиру Григорьевичу с огромным ува-

жением и почтением. К его фронтовому прошлому, ко всем его делам и трудам, его жизненному подвигу. Восхищались его жизнеспособностью и тем, что он не признавал никаких скидок для себя, хотел, чтобы жизнь была наполнена всеми радостями: охота, рыбалка, лыжи, деревня. И все это ему удавалось.

С Владимиром Григорьевичем из Костромы уходит целая эпоха. Годы становления писательской организации, литобъединений, литераторских семинаров, “круглых столов” и проч. Этой эпохе уже никогда не повториться. Думаю, многие и многие сохраняют светлую память о нем.

Правда, этот писательский всеобуч не всегда приносил добрые плоды, некоторые переоценивали свой талант и сейчас понапрасну считают себя всамделишными писателями. Ну, да от этого, кажется, не остережешься. Знаю, что Владимир Григорьевич все это остро переживал...»

Семейство Бондаревых: «Дорогая Жанна! Известие о смерти всегда потрясает, и нет тут никаких успокоительных слов: все слова, все утешения кажутся ничтожными, так как изменить ничего нельзя. ... Остается лишь память и то, что человек успел сделать на земле. Володя же сделал много, оставил после себя Слово, предначертанное его биографией и судьбой. Он был человеком героического склада, ему было свойственно долготерпение и преодоление самого себя, что является редким качеством среди рода человеческого. Я думаю, что он часто вспоминал солдатское “держаться!” И я сейчас вспоминаю это слово, думая о тебе, милая Жанна. Надо держаться, держаться, держаться! Ты мудрая и мужественная женщина – и понимаешь это. Крепко обнимаем и целуем тебя, семейство Бондаревых. Твои Юрий и Валя».

Отметим основные награды и звания В.Г. Корнилова: Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1985) – за романы «Семигорье» и «Годиный» (Премия передана на нужды библиотеки села Б. Сандогора Костромского района Костромской области, ныне носящей его имя), три ордена Отечественной войны I степени, орден Дружбы народов, орден «Знак Почёта», более 16 медалей и почетных грамот.

В 1998 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Костромы». В.Г. Корнилов обладал областной премией «Признание», являлся членом Совета старейшин – Высшего творческого совета Союза писателей России.

В.Г. Корнилов создал и более 27 лет возглавлял Костромскую организацию Союза писателей России, всячески поддерживая и воспитывая целое поколение костромских прозаиков и поэтов. Автор 24 отдельных литературных публикаций и переизданий, а также более ста публикаций в СМИ. В.Г. Корнилову посвящено более 75 прижизненных и более полутора десятков посмертных публикаций в СМИ.

В соответствии с действующим законодательством Костромской области имя В.Г. Корнилова присвоено: Сандогорской сельской библиотеке имени В.Г. Корнилова – филиалу № 19 муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система Костромского района», расположенной по адресу: Костромская область, Костромской район, с. Б. Сандогора, ул. Центральная, д. 4; библиотеке № 5 имени В.Г. Корнилова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Костромы», расположенной по адресу: г. Кострома, микрорайон Якиманиха, д. 18.

В 2009 году в интернет-голосовании «Имя земли Костромской», проводимом Комитетом по делам молодёжи Костромской области в преддверии 65-летия создания Костромской области, имя писателя В.Г. Корнилова одержало убедительную побе-

ду, опередив ближайшего соискателя (Ивана Сусанина) на 35 голосов.

Произведения В.Г. Корнилова рекомендованы к изучению в учебных заведениях Костромской области.

Заканчивая повествование, отмечу, что такие выдающиеся личности, как В.Г. Корнилов, являются образцом бескорыстного служения своему Отечеству. В конце жизни Корнилов сказал: «Я сделал все, что мог. Пускай сделают то же другие».

Я глубоко убежден, что равнение нашей молодежи на такую личность, как Владимир Григорьевич Корнилов, приведет к процветанию России, ее мощи и величию!

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 04.03.2023; accepted for publication 02.05.2023.